

УДК 372.882.116.11-93
ББК 4426.839(=411.2)-270

DOI 10.26170/po19-09-09
ГРНТИ 14.25.09

Код ВАК 13.00.02

Барковская Нина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: n_barkovskaya@list.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА: ИДЕЯ ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ В ПОВЕСТИ АСИ ПЕТРОВОЙ «КРОКОДИЛЬ»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная детская литература; детские писательницы; воспитательные функции литературы; уроки-дискуссии; культура чтения; школьники; методика преподавания литературы; детские страхи.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается возможность использования художественного произведения для решения проблемы подростковых страхов и комплексов. Повесть современной писательницы Аси Петровой позволяет обсудить с учащимися 7--х классов ряд связанных вопросов: что предполагает внутренняя свобода личности? Можно ли нарушать правила, регулирующие жизнь общества, семьи, отдельного человека? Какие и при каких обстоятельствах? Цель статьи – опираясь на материал избранной повести А. Петровой, выявить принципы мироотношения, способы и приемы, которые позволяют добиться полноты проявления личности и помогают подростку освободиться от внутренних страхов. Методология исследования включает традиционный структурно-семантический анализ произведения с акцентом на сюжетной организации, а также рассмотрение литературы в рецептивном аспекте, с точки зрения процесса художественной коммуникации, психологии художественного восприятия. В ходе анализа повести «Крокодил» выявлено наличие двух типов сюжета: внешне-событийного, связанного с разрешением сложной житейской ситуации, и внутреннего, психологического, показывающего изменение психики персонажей. В основе хронотопа угадывается ритуал инициации: дети изменяются в процессе исполнения общей важной задачи. Вместе с тем композиционным центром сюжета является архетип «Мудрой старухи» – бабушки Корделии, постепенно очищающей психику персонажей и изменяющей их взгляд на жизнь. Особенность повести А. Петровой – создание атмосферы абсурда и включение элементов фантастического, что не только придает увлекательность повествованию, но и формирует более гибкий навык восприятия художественного мира произведения подростком, изначально тяготеющим к наивно-реалистическому восприятию искусства.

Повесть молодой петербургской писательницы впервые анализируется в литературоведческом аспекте. Материал статьи поможет учителю при организации дискуссии в рамках классного часа, электива по современной литературе, урока внеклассного чтения.

Barkovskaya Nina Vladimirovna,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

OVERCOMING THE FEAR: THE IDEA OF INTERNAL FREEDOM IN NOVEL BY ASYA PETROVA “KROKODIL”

KEYWORDS: modern children’s literature; children’s writers; educational function of literature; discussion lesson; reading culture; schoolchildren; methodology of teaching literature; childhood fears.

ABSTRACT. The article considers the possibility of using a work of art to solve the problem of teenager’s fears and complexes. The story of the modern writer Asya Petrova allows us to discuss with students in grades 7-8 the question: what does the internal freedom of the individual imply? Is it possible to violate the rules governing the life of society, family, and an individual? What and under what circumstances? The purpose of the article is based on the material of the selected story by A. Petrova, to identify the principles of world relations, methods and techniques that allow achieving the completeness of personality manifestation and helping the teenager get rid of internal fears. The research methodology includes the traditional structural and semantic analysis of the work, with an emphasis on the subject organization, as well as the consideration of literature in the receptive aspect, from the point of view of the process of artistic communication, the psychology of artistic perception. During the analysis of the story “Crocodyl”, two types of plot were revealed: external-eventual, connected with the resolution of a difficult everyday situation, and internal, psychological, showing a change in the psyche of the characters. The ritual of initiation is guessed at the heart of the chronotope; children change in the process of fulfilling a common important task. At the same time, the compositional center of the plot is the archetype of the “wise old woman” – the grandmother of Cordelia, who gradually cleans the psyche of the characters and changes their outlook on life. The peculiarity of the story of A. Petrova is the creation of an atmosphere of absurdity and the inclusion of elements of the fantastic, which not only gives the narrative fascination, but also forms a more flexible skill of perceiving the art world of a work by a teenager, initially gravitating to a naive-realistic perception of art.

The story by a young Petersburg writer is first analyzed in the literary criticism aspect. The material in the article will help the teacher in organizing the discussion as part of the classroom, an elective on contemporary literature, and an extracurricular reading lesson.

Постановка проблемы. Литература выполняет множество функций, в том числе и психоэмоциональных, гармонизирующих состояние души читателя, что особенно важно для читателя-подростка, нередко обремененного комплексами и проблемами. Замечательный детский поэт Марина Бородинская вела для старшеклассников на «Радио России» передачу «Литературная аптека». Напомним, что первая работа З. Фрейда о художественном произведении выполнена на материале русской литературы – «Достоевский и отцеубийство». Да и сам аристотелевский термин «катарсис» пришел из медицины.

Какие психологические сложности переживают сегодняшние дети? Помогают ли родители справиться с этими проблемами? Или растет разрыв, отчуждение поколений? Вечен ли конфликт «отцов» и «детей»? Кроме того, изменения в обществе повлекли за собой и весьма заметную трансформацию психологии детства, характера семьи: не редкость семья без отца, проживание с бабушкой, с чужим человеком в семье... За 2012 г. в России зарегистрировано 1,2 млн браков и 644 тыс. разводов, т. е. примерно половина семей распадается. Л. Г. Луныкова констатирует: «В России с 1988 по 1997 гг. из-за расторжения браков на иждивении одного из родителей насчитывалось 5,2 млн детей; в 1998 г. при разводах в органах загса было учтено 389,7 тыс. детей в возрасте до 18 лет (или 127 детей на 100 распавшихся пар), и в подавляющем большинстве случаев дети остаются с матерью» [11].

Фактом стало и «новое родительство»: отказ от авторитарного стиля общения в семье, создание атмосферы демократического диалога [8]. Меняются также отношения старших и младших в семье. Сошлемся на мнение А. Левинсона: «Старики стали жить дольше. Но их роль как носителей предания и родовой мудрости упразднена. На смену большой трехпоколенной семье приходит нуклеарная, в которой есть пара родителей и ребенок/дети, либо еще более редуцированные варианты – неполная семья, дети на пансионе в школе, дети-сироты и пр. Для „старых“ в этой системе места нет. <...> Базовые ценности теперь транслируются не по линии бабушка/дедушка – внуки, а по более короткому и быстрому контуру: СМИ – дети» [10]; см. также: [14]. Ю. А. Левада пишет, что разрыв поколений, о котором принято говорить, «это, по суще-

ству, ценностный раскол, воплощенный в противостоянии небольшой, но значимой группы доминирующей традиции, системе, строю» [9, с. 236]. Литература, адресованная подростковой аудитории, активно обсуждает все эти вопросы.

Цель статьи – выявить психологические проблемы, лежащие в основе сюжета повести «Крокодил» современного автора Аси Петровой, и те приемы, с помощью которых читатель побуждается к внутреннему преодолению страхов и комплексов. Избранное произведение писательницы мы считаем репрезентативным для обсуждения поставленных проблем.

В качестве **методологических принципов** мы используем идеи рецептивной эстетики, ставящей в центр проблему читателя. Сергей Зенкин, комментируя течение «этической критики» в современной американской эстетике (Марта Нуссбаум, Ноэл Кэрролл), пишет, что все читатели, по-разному воспринимая текст, примерно одинаково чувствуют, *для чего он написан*. Автор «Теории литературы» заключает: «Сводя вместе когнитивную психологию и психологию эмоций, познание и переживание, „этические“ теоретики усматривают этот эффект не в прямых моральных поучениях, а в „настройке эмоций“, своего рода „воспитании чувств“ читателя» [5, с. 117]. Согласно Антуану Компаньону, читательское восприятие – это воспитание свободы [7, с. 42]. Впрочем, уже в 1925 г. Л. С. Выготский отмечал динамичный, деятельностный характер художественного восприятия [2]. В центре внимания в статье будет персонально-сюжетный уровень повести, при анализе которого мы опираемся на традиционное представление о системности уровней произведения, специфике его пространственно-временной организации (Д. С. Лихачев, Н. Л. Лейдерман, Н. Д. Тамарченко и др.).

Изложение материала. Ася Петрова – писатель, переводчик с французского, филолог. Призер премий «Книгуру», «Выбор»; ее книги для подростков: *Волки на парашютах*. – СПб. : Детгиз, 2012; *Чувства, у которых болят зубы*. – М. : Премудрый сверчок, 2013; *Кто не умер, танцуйте диско*. – М. : БММ, 2013; *Короли мира*. – М. : Серафим и София, 2014; *Взрослые молчат*. – СПб. : Черная речка, 2015; *Три жизни врозь*. – М. : БММ, Пальмира, 2017; *Последняя треть темноты*. – СПб. : Лимбус Пресс, 2017; *Наверно, я еще маленький*. – М. : Рипол-классик, 2018.

Сама Ася Петрова считает, что ее книги адресованы не детско-подростковой, а взросло-подростковой аудитории [1]. В повести «Крокодил» из книги «Чувства, у которых болят зубы» психологические проблемы детей и их родителей в общем-то одинаковы: как пишет автор, ее книги о страхе, о любви, о прощении [1]. Вместе с тем произведения Аси Петровой вписываются в ту тенденцию новейшей детской литературы, с игрой слов, неожиданными поворотами и перевертышами, которую охарактеризовал Бен Хеллман, назвав имена А. Усачева, С. Седова, Г. Юдина, М. Яснова, О. Кургузова и Тима Собакина. Он же отметил, что пять новых переводов «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла «демонстрируют абсолютное торжество литературы абсурда» [15, с. 529].

Сюжет повести [12] укладывается в схему инициации. Перед Новым годом семья девочки Таи едет на отдых не на острова в Атлантическом океане, а в маленький домик где-то под Петербургом, потому что у папы «кризис». Место категорически не нравится девочке («Не-е-ет. Это было намного страшнее. Это была самая настоящая избушка на курьих ножках» [12, с. 154]), только папа доволен, что нет поблизости людей. Однако тут же они знакомятся с мальчиком Степой, его бабушкой и с семьей писателя Скалигера, у которого трое детей: старшая Наташа, Серега и маленькая Соня. Несколько дней, проведенных в деревне, полностью изменили мироощущение всех персонажей. Заканчивается сюжет в новогоднюю ночь, полную чудес – и тут наконец-то пошел снег, положив конец слякотному декабрю.

Инициатором «чистки психики» всех персонажей явилась странная бабушка Степы, Корделия (хотя зовут ее на самом деле Галя), воплощающая архетип «Мудрой старухи» [13]. С житейской точки зрения интрига заключается в поисках новой семьи для сироты Степы (его родители погибли, попав в автокатастрофу, бабушка Галя-Корделия ему не родная, она была подругой погибшей мамы Степана). Сама бабушка очень старая, а ее родной сын и его жена не хотят усыновить мальчика. В конце концов читатель понимает, что усыновит Степу писатель Скалигер.

Но суть повести не событийная, а психологическая: персонажи, и дети, и взрослые, должны избавиться от комплексов и скрытых страхов перед жизнью, обрести уверенность в своих силах.

Борис Дубин, опираясь на данные социологических опросов, отмечал в середине 2000-х гг. нарастание чувства страха у более 60% россиян. Дубин пишет: «Так, две трети

страшится потери близких, трое из пяти – возможной бедности; двоим из пяти не дает покоя угроза собственной старости, беспомощности, болезней. <...> Это страх ожидаемого, притом, увы, всеобщего и неизбежного, едва ли не рокового. Страх ожидаемой потери. Ожидаемый страх. Страх ожидания. Он не следует за опытом, а опережает его» [4, с. 337].

Герои погружаются в атмосферу абсурда, ломающего их устоявшиеся представления о должном: «Они словно потеряли причал, к которому должна была пристать лодка, или полосу горизонта, за которую должно было зайти солнце. Теперь им казалось, что солнце может выходить и заходить где угодно и когда угодно. Это радовало, освобождало, задевало за живое и давало надежду на ясные дни» [12, с. 243].

Вот некоторые правила, которым привыкли в своей жизни следовать герои повести. Правила для детей: нельзя открывать дверь незнакомым людям, глупо верить в привидения, нужно слушаться родителей, вести себя прилично и тщательно выбирать знакомства. Правила для взрослых: не стоит помогать слабым, нужно быть образцом для своего ребенка, быть ответственным, организованным, доводить дело до конца. И общее правило, внушенное родителями детям: добро не бывает бескорыстным, «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Казалось бы, правила разумные, но в итоге практически каждый из персонажей несчастлив – у папы и мамы Таи нет друзей, и девочка думает: «А родители давным-давно живут, могли завести двадцать друзей. Нет, двадцать пять. Или двадцать восемь. Да какое там – сто! Когда она вырастет, у нее будет много-много друзей» [12, с. 159]. После того, как родилась дочка, папа запретил маме курить, включать ее любимую музыку на полную громкость, играть на барабанах, ходить в ночные клубы, готовить дома алкогольные коктейли и даже смотреть «Дневники вампиров», и мама была с папой согласна. В свою очередь, она запретила папе приводить толпы друзей, чтобы вместе смотреть футбол, хранить журналы «Playboy», гонять на огромной скорости по автотрассе и нарушать правила дорожного движения, и папа был с этим согласен [12, с. 260]. Но при этом мама вечно с пакетом лекарств, у папы «кризис», радости в жизни мало. Тая думает, что родители постоянно говорят ей: «Не волнуйся, не переживай, не беспокойся, улыбайся», т. е. советуют держать себя в руках, но девочка видит, что сами родители беспокоятся и переживают [12, с. 262]. Но главный их страх раскрывается только постепенно. Когда-то у папы серьезно заболела мама, прямо перед

Новым годом, и он не захотел взять ее к себе, она так и умерла в одиночестве... И об этом догадывается Тая: «Но на самом деле Тая знала – они испугались навсегда. И навсегда запомнили ввевшийся запахом одинокой выброшенной смерти» [12, с. 207]. Потому-то однажды девочка громко заявляет: «Мама, не бойся, вы с папой никогда не останетесь одни!» [12, с. 262].

Скалигер, от которого ушла жена, не уверен в себе, закомплексован. Он пытается одновременно быть хорошим писателем и хорошим отцом, в результате постоянно совершает промахи, а книги не очень удаются. Скалигеру кажется, что все думают про него: «Какой дурак!» [12, с. 185], он постоянно боится за детей и переживает неудачу своих сочинений. Он подчинен своей схеме: «Для Скалигера неотъемлемой частью схемы был отцовский ступор» [12, с. 248].

Степа пережил травму, когда его родители умерли, он боится, что бабушка вот-вот умрет. Наташа в дурном настроении, потому что ей не звонит ее бойфренд, «честные воры» переживают из-за того, что жизнь их не удалась, Серега переживает, что от них ушла мама. Даже маленькая Соня боится огромной мыши под кроватью, потому что папа когда-то сказал ей, что соску съела мышка (ведь положено отучать детей от соски).

С травмой и страхом тесно связана боль. Уже после посещения бабушки Корделии Скалигер пишет в своей повести: «Боль обладает многими полезными свойствами: она дает людям стабильность, уверенность в завтрашнем дне <...> В боли можно спастись от чего угодно. Она служит прикрытием. Она затуманивает глаза, делает всё остальное неважным, а значит, дает тебе право игнорировать всё на свете. <...> Боль скрывает страх» [12, с. 217-218].

Постепенно все герои повести преодолевают свои страхи, втянувшись в дело, затеянное детьми: найти Степе новую семью, спасти «честных воров» от милиции и отремонтировать для бабушки заброшенный дом на другой стороне озера (она там когда-то жила, потом его у нее отняли, но жить там не стали). Но главный психотерапевт для компании – бабушка Корделия. Она умеет «чистить сны» тех людей, чье подсознание чем-то травмировано. Бабушка поет странные песенки, и все, кто рядом, попадают в свой (или чужой) сон, сталкиваясь с объектом своего страха.

Образ бабушки – центральный в повести. Избушка на склоне, где она живет со Степой, имеет почти нежилой вид, окружена лесом. По пути туда Тая словно попадает в иной мир: «Было очень тихо, но в то же время и сверху, и снизу, и сбоку постоянно про-

исходило какое-то шевеление. То в ветвях птица вспорхнет, то сук обломится и глухо упадет на землю, то вдруг зашебуршится в зарослях маленький зверек или насекомое, то махнет хвостом белка, то ветер закачает скрипучие стволы, и головы деревьев начнут негромко позвякивать, разгоняя все умные и глупые мысли» [12, с. 156]. Сама бабушка всегда странно одета, явно не по сезону и не по моде. Вот какой ее увидела в первый раз Тая: «Она была старой. Очень старой. <...> У нее был знатный нос, похожий на сапог с острым носом. А еще волосы – волнистые, короткие и уложенные как парик королевских придворных. Около нее стояла трость с рукояткой из красного полированного дерева. Тая сразу обратила внимание на то, как странно бабушка одета, не по погоде – в длинную зеленую юбку, слишком легкую для декабря, и синюю спортивную куртку. Единственной правильной вещью на ней был вязаный зеленый шарф...» [12, с. 158]. Бабушка сидела на крыльце и курила сигару. Она любит устраивать шумное веселье, «бедлам» и «бардак» (писатель Скалигер уточняет: «Я бы предпочел называть бардак свободой...» [12, с. 227]), нарушать всякие правила: «Корделия слишком стара, чтобы жить по правилам. Еще немного, и она умрет. Какой тогда будет толк от ее благоразумия? Дисциплина хороша в юности, когда путь свободен, а дорога уходит вдаль. Перед финишной полосой беречься просто глупо» – внезапно понимает Таин папа [12, с. 274]. А вот Тая в другой раз оценила бабушкин наряд: «Она нарядилась в красное платье с черными цветами и надела восхитительные черные резиновые сапоги на плоской подошве. Выглядело странно, но здорово» [12, с. 202].

Дети в кульминационный момент решают пренебречь родительскими запретами и отправляются встречать Новый год в отремонтированный дом (впрочем, там соберутся все герои повести, даже фантомные, как персонажи из снов или из новой повести Скалигера, сюжет которой помогла ему найти бабушка). Когда папа Таи спрашивает бабушку, гнавшую с детьми на старом грузовике по параллельной с родителями дороге в милицию, чтоб освободить воров, не стыдно ли ей прятаться в кустах, бабушка весело ответила: «Что вы, прятаться никогда не стыдно, а очень даже благородно! Тем более вы просили не приближаться к вашей дочке...» [12, с. 264]. Пообщавшись с бабушкой, Скалигер становится решительным (собственно, он усыновит Степу, и он же отдаст выкуп за воров, пережив свою «минуту славы»), поняв: «Иногда лучше не думать и не рассуждать, а пристегнуться потуже и ехать дальше» [12, с. 258]. И всем

другим бабушка тоже помогла. Она отличный мистификатор, поэтому можно допустить, что она придумала для Скалигера историю, чтобы он использовал ее в своей книге. Вот что бабушка рассказывала. Когда-то ей казалось, что добрые дела делают одни дураки. А мир устроен иначе. Надо думать только о себе. И она так и жила, ради личного успеха, хотя ей приходилось обманывать, лукавить, запутывать. И она становилась все легче и легче, избавляясь от привязанностей. Наконец, поняла, что уже не может опуститься на землю – так она легка от внутренней пустоты. Надо было срочно спастись. И тогда она решила заглянуть во все то, что раньше игнорировала. Она обнаружила чужие несчастья в снах людей, ведь днем люди более-менее умеют скрывать свои чувства. И она стала чистить чужие сны, вывозя оттуда весь мусор. Лишь избавив от страданий других, снова почувствуешь себя живым, понимает бабушка [12, с. 222-223]. Эти сны не имеют ничего общего с теми, которые в самом начале повести придумывает Тая: мама «часто ставила Тае оценки за сны. Думала, с хорошими снами легче живется на свете» [12, с. 149].

В новогоднюю ночь все собравшиеся играют в разные веселые игры, например, в «мумию на тележке», а потом – в «крокодил», т. е. шарады. Кто-то шепотом говорит другому слово, тот пытается жестами изобразить загаданное, остальные угадывают. Прозвучали слова: *прощение, любовь, помощь*, причем угадывал тот, кому обозначенное тем или иным словом явление нужнее всего. Последней изображала некое слово бабушка – все решили, что она изображает смерть, потому что, откупорив шампанское и поставив бутылку на стол, бабушка вдруг рухнула на пол. Автор пишет, что прелесть жизни в ее непрерывности, одно сменяется другим, всегда остается возможность все исправить. Однако «бывают моменты, когда жизнь все-таки прерывается... Когда сорвана последняя ветка, выпита последняя чашка какао, упущен последний шанс, горевать вроде бы уже поздно. Тогда самое время удивиться – тому, что, несмотря на счастливый или трагический финал, пьеса продолжается. Может, это уже другая пьеса или все та же старая, только с новыми декорациями <...> В жизни каждого человека наступают минуты прощания, когда приходится брать волю в кулак...» [12, с. 283-284]. И вдруг бабушка кричит: «Кука-ре-ку-у!» – и вскакивает, ведь она и раньше говорила всем, что целиком и полностью бессмертна! И показывала она не слово *смерть*, а слово *жизнь*.

Этот момент новогоднего чуда, ломая логику здравого смысла, обнажает игровую

стратегию автора. Ася Петрова – специалист по французской литературе, переводчик, обучалась в аспирантуре в Сорбонне и в СПбГУ. И ненавязчиво она демонстрирует приемы «абсурдной теории литературы», если вспомнить Евгения Ключева¹ [6], автора сказок, вполне постмодернистских романов, книжки стихов для детей «Учителя всякой всячины» (см. об этой смешной книге для детей: [3]), специалиста по лингвистической прагматике, живущего в Копенгагене.

В сюжете повести, имеющей странное название «Крокодил», события развиваются стремительно, как стремительно меняются и точки зрения, субъекты сознания. Не успела семья Таи подъехать к своему домику, как уже с горы бежит плачущий Степа, говорит, что бабушка упала в обморок, все бегут в домик на склоне – а бабушка сидит и курит сигару. Или первое знакомство с семьей Скалигера, поданное как буффонада: Серега ставит рыжего кота Котлету на камин рядом с вазой, Наташа пытается отобрать кота, ваза падает и разбивается. Только потом Скалигер смущенно говорит: «Извините нас за этот кавардак», на что мама Таи отвечает: «Ну что вы, у нас у самих кавардак», а Тая неожиданно добавляет «бедам» – это слово она накануне услышала от бабушки Корделии. Или в книге Скалигера персонаж Страница № 35 приходит к мальчику Вите и просит прочитать в какой-нибудь книге 35-ю страницу, чтобы там было что-то красивое. Витя читает из первых попавшихся книг, которыми оказались Сартр (фрагмент из романа «Тошнота»), Аполлинер («Зимняя заря»), потом Пушкин, его эпистолярный «Роман в письмах» (приведена цитата из письма Лизы, где она рассуждает о романе Ричардсона и говорит о разнице между вкусами бабушек и внучек). Кстати, в первый вечер по приезде случается эпизод, предвещающий следующие события: Тая на ночь читает книгу «Альдобра. Черепаха, которая любила Шекспира» Сильваны Гандольфи. В этой сказке-притче итальянской писательницы рассказывается о дружбе девочки с чудакватой бабушкой, которая решила не умирать в 80 лет, а превратилась в черепаху, поскольку они живут 200 лет. Все эти авторы и произведения неизвестны современному подростку, да и взрослому, их упоминание задает очень высокую культурную планку.

Все время пересекаются событийный план повести и текст той повести, которую

¹ В предисловии к своей «Теории литературы абсурда» Е. Ключев пишет: «Автор данного исследования остановился на заголовке „Теория литературы абсурда“ как на более мягком варианте по сравнению с прежним – „Абсурдная теория литературы“, хотя, может быть, именно прежний заголовок лучше отражает содержание исследования» [6].

пишет Скалигер, очевидно, поддавшись влиянию бабушки, тем более что последняя глава повести совпадает с последней главой книги Скалигера. Тем самым читатель находится и внутри художественного мира, и иногда понимает его фикциональность, «литературность», что тренирует читательскую культуру, делает восприятие более гибким. И делается это почти незаметно для читателя, легкими акцентами.

Стиль Аси Петровой тоже, вполне ненавязчиво, иронично. Реплика Таи, с нетерпением ждущей Новый год, предваряется авторским пассажем: «Есть на свете вещи, которые ужасно надоедают. Например, ногти на руках и ногах, растущие быстрее и лучше, чем любые цветы, или гололед, от которого не спастись ни в одном закоулке, усталость или просто само ожидание. Одним людям хватает терпения, чтобы не переругаться в очереди к доктору, другим необходимы сюрпризы» [12, с. 196]. А вот как описаны призраки из снов и из повести Скалигера, которые следуют за ребятами, идущими – переломив свой страх! – к заброшенному дому, где они обнаружили воров: «Крокодилы на деревьях, человек в клетчатых штанах, восковые фигуры и писатель-водолаз семенили следом за детьми <...> И конечно, никто не слушал их трусливых вздохов и ненастоящих угроз, но каждый чувствовал себя несвободно между двумя шпалами, двумя рельсами, двумя проводами троллейбуса и двумя бороздами, полевыми и слезными, между двумя стенками картонного чемодана, в котором жизнь перевозит всех съезжившихся от страха людей» [12, с. 220].

Наконец, сами стихи, которые бабушка Корделия (еще одна аллюзия к Шекспиру!) напеваает перед тем, как все перенесутся в очередной сон: в них не выдержаны рифма и размер, нет логики и смысла, это просто ритмичный набор слов, в котором, однако,

скрыт какой-то наводящий подтекст – это стихи «неправильные» с точки зрения классической поэзии, стихи вполне абсурдистские, но «работающие» как надо. Например:

*Бегут через поля цветы,
В букет не собираясь стаей,
Не стаял снег, и нет весны,
Хохочут, не переставая.*

Обмениваются листьями:

*«Тебе к лицу и вам к шарфам
Подходит больше тот, с шипами,
И тот, лиловый, как шафран»* [12, с. 165]

Выводы и рекомендации. В конечном итоге дети и взрослые в этой повести вычистили, отремонтировали дом из последнего и лучшего сна бабушки Корделии, но «отремонтировали» и свою психику, скорректировали свое отношение к людям и к жизни. Большинство проблем – внутри нас, и рождаются они после каких-то травм, загнанных в подсознание. Если литература для детей, а особенно для подростков, всегда дидактична, то в повести Аси Петровой показана психологическая помощь «чувствам, у которых болят зубы», если использовать название другой повести автора, вынесенное на обложку книги.

Если обращаться к этой повести в школе, то нужно обсудить вопросы: можно ли нарушать правила? Когда и какие? При каких обстоятельствах? Ведь жизнь без правил невозможна, их регулятивная функция очень важна. Но, видимо, в каких-то ситуациях можно нарушать какие-то правила, а какие-то правила нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Нужно помочь детям с этим разобраться. А затем можно перейти к разговору о внутренней свободе: что это за состояние, из чего оно складывается, как проявляется? Как соотносятся свобода и девиантное поведение, свобода и нонконформизм и проч.?

ЛИТЕРАТУРА

1. Ася Петрова, детская писательница: «На бумаге мне иногда удается быть более откровенной, чем в жизни» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lit-ra.info/intervyu/asya-petrova-detskaya-pisatel'nitsa-na-bumage-mne-inogda-udaetsya-byt-bolee-otkrovennoy-chem-v-zhizni/> (дата обращения: 25.08.2019).
2. Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Эксмо, 2019.
3. Гутрина Л. Д. Художественное своеобразие книги Е. Клюева «Учителя всякой всячины» // Детская книга: формирование круга внеклассного чтения детей и подростков: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17 февр. 2011 г. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – С. 130-134.
4. Дубин Б. В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М.: РОССПЭН, 2011.
5. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.
6. Клюев Е. Теория литературы абсурда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=14514&p=1> (дата обращения: 13.04.2017).
7. Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.
8. Кукулин И., Майофис М. Новое родительство и его политические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/08/11/parents/> (дата обращения: 15.03.2019).
9. Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 235-244.

10. Левинсон А. Г. Старость как институт [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2005. – № 3. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (дата обращения: 11.03.2019).
11. Лунякова Л. Г. О современном уровне семей одиноких матерей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/457/761/1231/014Lunyakova.pdf> (дата обращения: 25.08.2019).
12. Петрова А. Д. Чувства, у которых болят зубы. – М. : Премудрый сверчок, 2013.
13. Савкина И. Л. Пиковая дама: женственность и старость в современной российской женской литературе // Уральский филологический вестник. Сер. «Русская литература XX-XXI веков: направления и течения». – 2016. – № 3. – С. 274-287.
14. Савкина И. Л. «У нас уже никогда не будет этих бабушек?»: образ пожилой женщины в русской культурной традиции и современной литературе [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/sa3.html> (дата обращения: 20.09.2019).
15. Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. – М. : Новое литературное обозрение, 2016.

REFERENCES

1. Asya Petrova, detskaya pisatel'nitsa: «Na bumage mne inogda udaetsya byt' bolee otkrovennoy, chem v zhizni» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lit-ra.info/intervyu/asya-petrova-detskaya-pisatel'nitsa-na-bumage-mne-inogda-udaetsya-byt-bolee-otkrovennoy-chem-v-zhizni/> (data obrashcheniya: 25.08.2019).
2. Vygotskiy L. S. Psikhologiya iskusstva. – М. : Eksmo, 2019.
3. Gutrina L. D. Khudozhestvennoe svoeobrazie knigi E. Klyueva «Uchitelya vsyakoy vsyachiny» // Detskaya kniga: formirovanie kruga vneklassnogo chteniya detey i podrostkov : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., 17 fevr. 2011 g. – Nizhniy Tagil : NTGSPA, 2011. – S. 130-134.
4. Dubin B. V. Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura – istoricheskaya pamyat' – povsednevnyaya zhizn'. – М. : ROSSPEN, 2011.
5. Zenkin S. Teoriya literatury: problemy i rezul'taty. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
6. Klyuev E. Teoriya literatury absurda [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=14514&p=1> (data obrashcheniya: 13.04. 2017).
7. Kompan'on A. Demon teorii: literatura i zdravyy smysl. – М. : Izd-vo im. Sabashnikovoykh, 2001.
8. Kukulin I., Mayofis M. Novoe roditel'stvo i ego politicheskie aspekty [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://polit.ru/article/2010/08/11/parents/> (data obrashcheniya: 15.03.2019).
9. Levada Yu. A. Zametki o probleme pokoleniy // Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / sost. Yu. Levada, T. Shanin. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – S. 235-244.
10. Levinson A. G. Starost' kak institut [Elektronnyy resurs] // Otechestvennye zapiski. – 2005. – № 3. – Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/oz/2005/3/2005_3_1.html (data obrashcheniya: 11.03.2019).
11. Lunyakova L. G. O sovremennom urovne semey odinokikh materey [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ecsocman.hse.ru/data/457/761/1231/014Lunyakova.pdf> (data obrashcheniya: 25.08.2019).
12. Petrova A. D. Chuvstva, u kotorykh bolyat zuby. – М. : Premudryy sverchok, 2013.
13. Savkina I. L. Pikovaya dama: zhenstvennost' i starost' v sovremennoy rossiyskoy zhenskoy literature // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Ser. «Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya». – 2016. – № 3. – S. 274-287.
14. Savkina I. L. «U nas uzhe nikogda ne budet etikh babushek?»: obraz pozhiloy zhenshchiny v russkoy kul'turnoy traditsii i sovremennoy literature [Elektronnyy resurs] // Voprosy literatury. – 2011. – № 2. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/sa3.html> (data obrashcheniya: 20.09.2019).
15. Khellman B. Skazka i byl': istoriya russkoy detskoy literatury. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.